

впрочем, снятый им); говоря о поэме, Г. Богач подвергает убедительной критике исследователей-предшественников за натяжки, за натужное стремление «сблизить» несближаемое. Но в конце концов сам следует тем же путем: ни о чем действительно общем с сюжетом поэмы он сообщить нам не может. Читатель может познакомиться со страницами 58—64 книги литературоведа. Но довольно будет привести его характерный автокомментарий к ним: «Выше, в начале этой главы, мы отвергли возможность филиации мотива противоборства жизни и смерти, кото-

рые уже были обнаружены исследователями в украинском и молдавском фольклоре и сказке Горького. Затем мы привели образцы фольклорных произведений, которые не только стоят гораздо ближе к горьковской поэме, но которые имеют также и другое уникальное преимущество, состоящее в том, что только они оправдывают подзаголовок произведения — «Румынская сказка» (стр. 65).

Подобные неоправданные преувеличения снижают общую оценку книги, написанной в целом с живым интересом к творчеству великого писателя.

Л. АНТОПОЛЬСКИЙ

НОВЫЙ ФРАНЦУЗСКИЙ ПЕРЕВОД «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Отрадно, когда в той или иной работе, посвященной «Слову о полку Игореве», как за рубежом, так и у нас проявляется понимание «Слова» как произведения художественной литературы. Именно такое отношение лежит в основе французского перевода «Слова», не так давно появившегося под не совсем обычной обложкой: он опубликован в журнале «Industrie» (1965, № 8), издаваемом в Брюсселе «Федерацией промышленных предприятий Бельгии» («Fédération des industries belges»), в ряду произведений, с которыми редакция считает желательным познакомиться своих читателей.

Перевод принадлежит молодому преподавателю Свободного университета в Брюсселе Жану Бланкову, активно и увлеченно пропагандирующему древнерусскую культуру,— со-

всем недавно им была опубликована хорошо иллюстрированная работа об архитектуре наших Кижей.

Переводу предпослана статья, в которой Ж. Бланков рассказывает об исторической судьбе текста и дает краткую характеристику произведения. Статья полна не только уверенности в подлинности памятника, но и восторженного отношения к его поэтическим достоинствам. «Волшебное очарование — выражение это не слишком сильно,— исходящее от текста, не перестает пленять современного читателя по прошествии почти восьми веков»,— пишет Ж. Бланков.

Сознавая трудность взятой на себя задачи, переводчик оговаривается, что не претендует на передачу всех красот подлинника, однако его перевод можно признать несомненной удачей.

Как известно, текст «Слова» изобилует загадками, многие его места, на первый взгляд кажущиеся понятными, на самом деле остаются «темными». Каждый новый переводчик «Слова» не в силах самостоятельно проделать всесторонне охватывающую произведение аналитическую работу. Его задача — отобрать максимально убедительное в науке о «Слове» и в его стилистической интерпретации. Так поступил Ж. Бланков, и здесь проявился здравый смысл, филологическая культура и вкус переводчика.

Ж. Бланков не соблазняется внешним эффектом того или иного нового, неожиданного решения; в его переводе незаметно влияние парадоксальных пониманий и поправок Р. Якобсона в той редакции «Слова», которая была опубликована в книге «*La Geste du prince Igor*» (Нью-Йорк, 1948). Переводчик руководствуется текстом, установленным советскими учеными (в частности, академическим изданием 1950 года).

Из переводов, осуществленных на Западе, Ж. Бланков ориентируется на французский — Анри Грегуара (в книге «*La Geste...*») и английский — В. Набокова (Лондон, 1961). Однако с переводом Набокова его роднит лишь общее стремление передать художественное своеобразие подлинника. Близость же к переводу Грегуара очевидна, и, с нашей точки зрения, следует поставить Бланкову в заслугу, что он, не стремясь быть прежде всего оригинальным, в переводе ряда мест (и их немало) почти дословно следует за своим предшественником. Расхождения у обоих переводчиков главным образом смысловые, поскольку Грегуар всецело доверял домыслам Якобсона.

Ж. Бланков гораздо смелее (надо учесть, что перевод Грегуара сделан

около двадцати лет назад), не боясь некоторой архаизации и непривычности оборотов, передает ритмы и конструкции подлинника. В перевод Грегуара он вносит коррективы, иногда очень тонкие: так, оба переводчика понимают «за шеломянем» как «за холмом», но если Грегуар дает «*so-teau*», то Бланков ставит «*colline*», которое более выразительно передает округлость возвышенности. В том месте, где говорится о поражении Кобыяка: «А поганого Кобыяка из луку моря от железных великих полков половецких, яко вихр выторже...» — у Грегуара находим: «...*pareil à l'ouragan, il déracina Kobuyak l'infidèle...*», а у Бланкова: «*Et comme une tornade, Kobíak l'infidèle il l'avait attaché...*» — что точнее. Подчас улучшение перевода Грегуара достигается Ж. Бланковым за счет интонации и иного построения фразы.

Однако было бы ошибкой квалифицировать работу Ж. Бланкова лишь как усовершенствование перевода А. Грегуара. Ж. Бланков разумно отбирает в переводе предшественника в основном то, что соответствует его пониманию памятника и стилистическому чутью. Такой метод при переводе столь разработанного материала, как «Слово о полку Игореве», следует признать плодотворным. И в наших переводах «Слова» на современный русский язык также выкристаллизовываются отдельные места, которые передаются различными переводчиками (разумею именно переводы, а не переложения) почти одинаково. И самое правильное, с нашей точки зрения, при каждой новой попытке перевода, не поддаваясь тщеславным желанием, сохранять по мере возможности эти установившиеся переводные участки. С этой стороны отношение Ж. Блан-

кова к переводу А. Грегуара имеет значение принципиальное.

Конечно, перевод Ж. Бланкова не свободен и от некоторых спорных моментов, впрочем, они не ослабляют общего благоприятного впечатления. Всякий перевод «Слова» требует вдумчивого детального анализа; все же позволю себе сделать одно замечание: вряд ли удачно сохранять в переводе русское слово «половцы» (Грегуар дает традиционное для западной науки «koumans»). Ж. Бланков в единственном числе ставит «polovets», а для множественного прибегает к русской форме «rolovtsy», приспособляя таким образом русскую грамматику к французскому языку, что противоестественно. Мы понимаем, что создателю перевода

хотелось сохранить речение «половцы», обросшее богатыми историческими и эстетическими ассоциациями и постоянно встречающееся в «Слове», но французскому читателю это мало что скажет.

Главное достоинство перевода Ж. Бланкова в том, что художественные качества «Слова», несмотря на постоянные, иногда почти непреодолимые препятствия, сохранены переводчиком, разумеется, в той мере, в какой вообще достижима передача на другой язык высокопоэтических текстов. Новый французский перевод бесспорно сыграет немалую роль в деле приобщения западноевропейского читателя к лучшему и по-своему уникальному памятнику древнерусской литературы.

С. ШЕРВИНСКИЙ

ЛИТЕРАТУРА АНТИФАШИСТСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ*

Немецкая литература 1933—1945 годов представляет собой совершенно особую главу истории литературы, главу, которую вряд ли с какой другой можно сравнить. Нигде в других государствах не бывало такого положения, чтобы эмигрировали почти все писатели. Целая нация осталась без литературы; то, что преподносилось народу (не считая нелегальной литературы), почти все использовалось для дезориентации населения и травли всего передового.

В то же время гуманистическая литература, находясь в эмиграции, в значительной степени порвала со своей страной, со средой, в которой она возникла. И тот факт, что эта литература, несмотря ни на что, не только продолжала существовать, но и развивалась, и своими лучшими достижениями прокладывала дорогу будущему, продолжает оставаться не изученным во всей глубине до сих пор.

Все вышесказанное лишь в малой степени характеризует трудности написания истории литературы за период фашизма. На самом деле эти трудности гораздо большие,— они со-

* В. Н. Девекин, *Немецкая антифашистская литература 1933—1945 гг.*, «Высшая школа», М. 1965, 100 стр.